

RU

Репрезентация государственных праздников в регионах: Оренбург на страницах центральной советской прессы 1920-х годов

Бассак А. О.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности репрезентации государственных и партийно-политических праздников в Оренбурге на страницах центральной советской прессы 1920-х гг. На основе материалов газет «Правда», «Известия» и «Красная звезда» рассмотрены сюжеты, с помощью которых официальная пресса формировала образ провинциального города как пространства построения коммунизма. Показано, что упоминания о праздничной жизни Оренбурга (1920-1921 гг.) фиксируют становление локального революционного календаря и закрепляют образ города-героя гражданской войны, тогда как публикации середины десятилетия смещают акцент на демонстрацию социалистических достижений. Центральная пресса предстает как механизм взаимодействия центра страны и периферии, задающий нормативные модели массовых ритуалов и транслирующий представление об «образцовой» советской провинции. Научная новизна работы состоит в акценте на особенностях отражения праздничной культуры провинции советского государства в центральной прессе 1920-1921 гг.: анализируются не местные источники, а то, как региональные события конструируются для всесоюзного читателя в центральной печати. В результате показано, что Оренбург на страницах центральных газет выступает как важный город, в жизни которого отражаются ключевые социально-политические процессы, формируется «красный календарь».

EN

Representation of state holidays in the regions: Orenburg in the central Soviet press of the 1920s

A. O. Bassak

Abstract. The aim of the study is to identify the specific features of the representation of state and party-political holidays in Orenburg on the pages of the central Soviet press of the 1920s. Based on materials from the newspapers “Pravda”, “Izvestia”, and “Krasnaya Zvezda”, the article examines the narratives through which the official press shaped the image of a provincial city as a space for building communism. It is shown that mentions of Orenburg’s festive life (1920-1921) record the establishment of a local revolutionary calendar and solidify the image of a Civil War hero city, while publications from the mid-decade shift the focus to demonstrating socialist achievements. The central press appears as a mechanism for interaction between the country’s center and its periphery, setting normative models for mass rituals and transmitting the idea of an “exemplary” Soviet province. The scientific novelty of the work lies in its emphasis on the specific features of how the festive culture of the Soviet state’s provinces was reflected in the central press of 1920-1921: it analyzes not local sources, but rather how regional events were constructed for an all-union readership in the central print media. As a result, it is shown that Orenburg, on the pages of central newspapers, functions as an important city whose life reflects key socio-political processes, thereby forming a “red calendar”.

Введение

Праздничная культура 1920-х гг. прочно заняла свое место в историографии изучения становления советского государства. Так, праздники играют ключевую роль в формировании общественного сознания. Массовые мероприятия открывают для власти возможности транслирования новых идеологем, символов власти, моделей поведения. Поэтому культурная политика молодого советского государства была направлена на создание новой праздничной системы, которая должна транслировать коммунистические ценности (Азарова, 2017). Именно в этом десятилетии окончательно складывается советский праздничный канон, завершается ключевой этап становления государства (Рольф, 2009). Следовательно, системный анализ формирования образа Оренбурга в центральной прессе логично отвести к данному периоду.

В отечественной литературе детально описаны процессы формирования «красного календаря», сценарии массовых праздников, символический язык, их основные функции (Рольф, 2009; Кустова, 2015). Отдельное внимание уделяется региональной перспективе проведения государственных торжеств. Важность изучения провинциальной культуры заключается в первую очередь в том, что в зависимости от регионов могут возникать специфические культурные, социальные, этнические и конфессиональные особенности (Малышева, 2005; Оборский, 2019; Азарова, 2017). Праздничную культуру также можно вписать в контекст истории повседневности (Пушкарева, Любичанковский, 2014). Однако большинство вышеуказанных исследований опирается преимущественно на региональную прессу и архивные материалы. При этом отдельные исследователи изучают вопросы освещения провинциальных событий в дискурсе центральной прессы, а также того, как провинцию видел всесоюзный читатель (Азарова, 2017). Между тем именно центральные газеты – прежде всего «Правда» и «Красная звезда» – задавали нормативный образ «правильного» праздника и конструировали типовой образ провинциального центра.

Оренбург в этом отношении представляется особенно показательным. В начале 1920-х гг. он сочетал статус «старого» уездного центра и «окраинного» города с ролью столицы Киргизской АССР. Это делало его удобной сценой для демонстрации успехов национальной политики, модернизации «отсталых» регионов и интеграции восточных окраин в общесоюзное политическое и культурное пространство.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить особенности освещения празднования 3-й годовщины Октябрьской революции в Оренбурге в оптике газеты «Известия»;
- выделить и проанализировать сюжеты газеты «Правда», связанные с празднованием Первой и открытием памятника В. И. Ленину в Оренбурге;
- рассмотреть репрезентацию празднования годовщины Красной армии как «общегражданского праздника» в Оренбурге на основе материалов газеты «Красная звезда»;
- проанализировать то, как пресса описывала введение дня освобождения киргизской женщины на территории Киргизской АССР в контексте национальной и демографической гендерной повестки советского государства в 1920-х гг.;
- уточнить особенности транслирования празднования 25-летия Российской коммунистической партии (большевиков) в Оренбурге газетой «Правда».

Для проведения сопоставительного исследования были использованы методы дискурсивного анализа. Историко-генетический метод позволил объяснить особенности советской культурной политики. При анализе отношения регионов и центра был использован подход «центр – периферия». Работа соответствует принципу историзма.

Теоретическую базу исследования составляют работы по истории советской праздничной культуры и массовых ритуалов (Малышева, 2005; Рольф, 2009; Кустова, 2015), исследования провинциальных массовых праздников (Азарова, 2017; Оборский, 2019; Барышева, 2017), а также подходы к анализу символической политики и практик коммеморации в советском обществе (Сухова, 2024).

Материалом исследования служат краткие сообщения, заметки и очерки из центральной прессы 1920-х гг. Среди них: заметки газеты «Правда», материалы «Красной звезды», «Известия». Данные газеты выбраны в силу их массовости, важнейшей роли для всесоюзной печати, именно в них публиковались новости государственной важности, отражались основные направления государственной культурной политики. Кроме того, для сравнения приводятся фрагменты из заметок региональной оренбургской газеты «Смычка». Отметим, что за изучаемый период оцифрованы практически все подшивки газеты «Правда» и праздничные сюжеты Оренбуржья отражены на страницах издания не более десяти раз.

Практическая значимость работы состоит в том, что выдержки из газет, анализ их содержания могут быть использованы при разработке учебных курсов и семинаров по истории СССР, истории повседневности и источниковедению. Материалы статьи позволяют уточнить механизмы функционирования центральной прессы как инструмента символической политики и могут служить эмпирической базой для сравнительных исследований репрезентаций провинции в общегосударственных СМИ. Кроме того, выявленные дискурсивные модели полезны для реконструкции механизмов массовой мобилизации и формирования коллективной памяти, что делает результаты исследования востребованными в междисциплинарных областях.

Обсуждение и результаты

Одним из первых упоминаний Оренбурга в контексте советской праздничной культуры на страницах центральной прессы 1920-х гг. является заметка «Известий» о праздновании 3-й годовщины Октябрьской революции в 1920 году. Уже здесь праздник представлен как «деловитый и величавый», но главное в празднике, по мнению автора, не в организации. В заметке «Революционная годовщина» отмечается, что «ВЦИК наградил их почетным революционным знаком за защиту от банд Колчака» (3-я годовщина Октябрьской революции, 1920). В сущности, в языке заметки просматривается двойной регистр: своеобразно сочетаются рабочая и военная лексика.

Оренбург в заметке предстает не столько как региональный центр, сколько как пространство, прошедшее испытание гражданской войной и проявившее героизм. Жест награждения фиксирует символическую связку «центр – периферия»: революционная столица награждает провинцию за лояльность и стойкость, тем самым

вводя Оренбург в пантеон городов-героев гражданской войны. Интересно, что здесь революционная победа не просто произошла, но была подтверждена усилиями рабочих, которые в праздничный день продолжают «дело помощи красноармейцам». Праздник здесь не отменяет труда – наоборот, подчеркивает его как главный ритуал новой эпохи.

В определенной степени эта заметка типична для отражения образа региона. Так, она задает фундаментальную модель репрезентации Оренбурга: это город-форпост, чья праздничная жизнь укоренена в военном опыте и одновременно обращена к будущей трудовой мобилизации. Текст позволяет увидеть, как центральная пресса начинает конструировать образ Оренбурга как образцовой провинции, в которой праздники становятся формой политики памяти и подтверждением связи с государственным центром.

Интересна и другая грань Оренбурга. Ряд статей в официальной прессе посвящен статусу города как столицы национальной республики. Например, в заметке «Правды» от 11 декабря 1923 г. сообщается о решении Киргизского Центрального исполнительного комитета «в знаменование раскрепощения женщины-киргизки и отмены калыма» установить по всей Киргизии празднование дня освобождения киргизской женщины» (Праздник освобождения киргизской женщины, 1923).

В тексте делается акцент на большом количестве участников, что подтверждает природу советского праздника как массового, активистского явления. Государство стремилось показать памятные события зрелищно, они должны были демонстрировать достижения народного хозяйства (Кустова, 2015).

Кроме того, пример демонстрирует, как через механизм праздника оформляются сразу несколько важных для власти сюжетов. Очевидно, что через праздничную дату закрепляется отказ от традиционной практики калыма и образ «освобожденной женщины» как символ нового общественного порядка. Хотя праздник и вводится на территории Киргизской АССР, но его идея закрепляется в общесоюзном дискурсе благодаря публикации в центральной газете. Можно сказать, что заметка, так же, как и предыдущие, – типичная для своей эпохи. В ней национальная окраина становится сценой для демонстрации успехов модернизации «отсталых» народов. Кроме того, автор очевидно подчеркивает активность людей, массовость празднеств – одну из важнейших черт праздничной культуры, что подробно анализируется в современной литературе.

Оренбург как столица республики оказывается точкой притяжения подобных инициатив. Для всесоюзного читателя в публикации фиксируется не конкретный сценарий праздника, а сам факт его учреждения как важное символическое событие, подтверждающее, что в «столице Киргизии» государственная власть проводит последовательную политику «раскрепощения» и социального реформирования повседневных практик. Впрочем, данный дискурс довольно быстро станет не нужным власти. Ведь уже через год – после национально-государственного размежевания Средней Азии – Оренбургская область была переподчинена РСФСР (Аканов, 2017).

Представляется важным рассмотреть один из главных праздников «красного календаря» – 1 мая. Наиболее показательной является связка двух сообщений «Правды»: о принятом решении воздвигнуть в Оренбурге памятник В. И. Ленину и о последующем открытии памятника в дни Первомая. В заметке 1924 г. сообщается: «Оренбург, 6 сентября. Горсовет постановил к годовщине Октябрьской революции поставить в Оренбурге памятник В. И. Ленину» (Памятник В. И. Ленину в Оренбурге, 1924). Уже здесь задается акцент на инициативе местной власти, вписанной в общесоюзный революционный календарь: памятник должен появиться к годовщине Октября, то есть локальная городская политика прямо подчиняется знаковым датам революции. Конечно, это была не уникальная публикация – подобные заметки в газете появлялись и про другие города, даже деревни. Но все же интересно внимание центральной печати к этому сюжету, «Правда» не забывает про обещание. Год спустя газетная заметка фиксирует результат: «С небывалым подъемом прошел первомайский праздник в Оренбурге. Состоялось торжественное открытие памятника Ленину. Рабочие главных мастерских Ташкентской железной дороги передали губисполкому красный первомайский поезд в составе девяти вагонов с паровозом, капитально отремонтированный бесплатно в сверхурочные часы... Весь ремонт оценивается в 16.000 руб.» (Первомайский праздник, 1925, № 99). В этом коротком фрагменте концентрируются ключевые мотивы советской праздничной культуры 1920-х годов, отмеченные и в историографии, – трудовой энтузиазм и «подарки празднику» (Мальшева, 2005). Основным мотив заметки в том, что праздничный день – повод для демонстрации сверхусилий: ремонт поезда «в сверхурочные часы», оплата материалов самими рабочими, подчеркивание высокой стоимости ремонта. Праздник соединен с трудом: он не выводит людей из трудового процесса, напротив, труд и праздник оказываются почти неотделимы друг от друга.

Открытие памятника Ленину вписано в праздничный нарратив как центральный момент Первомая. Городское пространство символически переоформляется: отныне оно маркировано образом вождя, а сама церемония становится элементом общегосударственного ритуала. Крайне интересен образ, которым заканчивается заметка. Рабочие снаряжают «красный первомайский поезд». Поезд как символ перемен становится частью праздничного мифа о технике на службе революции, советского государства. Однако важно отметить, что у данной репрезентации была оборотная, репрессивная сторона, и подобная идиллическая картина остается лишь на страницах газет (Барышева, 2017, с. 82). Характерно, что внимание центральной газеты обращено не к бытовой стороне праздника (украшение улиц, маршруты демонстраций), а именно к «показательным» моментам: открытию монумента и коллективному трудовому подвигу. Тем самым Оренбург предстает перед читателем «Правды» как город, где сознательные рабочие не только празднуют, но и делают дорогие подарки революции, собирая деньги на монументы.

В региональной прессе Оренбуржья открытие памятника также описывалось крайне помпезно. Одна из главных местных правительственных газет, «Смычка», подчеркивала высокую стоимость памятника. Более того, изначально средств на памятник не хватало, и сумму добавила сама газета, из средств на годовые подписки (Открытие памятника В. И. Ленину, 1925).

Следующее упоминание праздника в центральной прессе посвящено армейскому сюжету. Материал «Красной звезды» (Общегражданский праздник, 1926) характеризует празднование годовщины Красной армии в Оренбурге как «общегражданский праздник». В заметке подчеркивается, что на предприятиях, фабриках, заводах открыты «военные уголки». По всем учреждениям проведены доклады об очередной годовщине Красной армии. Позже, 22 февраля, организованы конноспортивные состязания с призами и торжественные вечера в частях с участием рабочих, крестьян и казаков из подшефных сел (Общегражданский праздник, 1926).

Таким образом, праздник армии выходит за пределы чисто воинской среды и превращается в инструмент вовлечения широких масс горожан в военный дискурс. Открытие «военных уголков» на предприятиях, распространение докладов и выступлений, участие шефствующих коллективов – все это соответствует общей тенденции превращения армейских дат в массовые городские ритуалы, когда день создания Красной армии станет одним из главных праздников (Оборский, 2019, с. 164).

Особое значение для понимания смысла праздника имеет мотив шефства. Присутствие рабочих, крестьян и казаков из подшефных сел показывает, как через праздник институционализируется связь «армия – народ» и «город – деревня». Праздник становится площадкой закрепления вертикальных и горизонтальных связей между частями армии, городскими предприятиями и сельскими территориями. Зрелищный компонент (конноспортивные состязания, раздача призов, торжественные вечера) превращает армейский праздник в элемент городского досуга, но этот досуг строго структурирован политически: каждый элемент подчинен задаче демонстрации сплоченности армии, власти и «трудящихся масс» (Кустова, 2015, с. 57-59).

Наконец, для анализа важен текст о праздновании 25-летия Российской коммунистической партии (большевиков) в Оренбурге. Это единственная из представленных газетных публикаций с указанным авторством. Автор – видный деятель антирелигиозного движения Емельян Ярославский, неоднократно публиковавшийся в «Правде». В анализируемой публикации он подписан как Ем. Ярославский.

Текст, написанный партийным деятелем, представляет пример того, как центральная пресса использовала юбилейные даты для конструирования нормативного образа революционной провинции (25-летие Р. К. П. в Оренбурге, 1925). Автор сознательно подчеркивает, что оказался не в индустриальной столице, а «на окраине, в столице Кирреспублики». Ранний опыт города – осада Дутова, голод, оторванность от центра, необходимость противостоять как казачьей реакции, так и кочевому окружению, подаются как испытание, сформировавшее зрелый, закаленный пролетариат. В этих рамках партийный праздник неожиданно превращается в коллективную биографию города. Это тоже характерная часть советской культурной политики – вписывать историю города, региона, страны в партийный контекст. Особенно значим для автора заметки мотив пролетарского единства. Массовое собрание железнодорожников, участие женщин, стариков и молодежи превращает юбилей в демонстрацию социального и возрастного охвата партии, подчеркивая идею естественного расширения ее влияния. В этом смысле можно увидеть параллели с организацией праздников в Сибири, где молодое поколение также активно привлекали к массовым шествиям (Азарова, 2009).

Единая «масса», о которой говорят в ответных речах беспартийные, изображается в заметке лояльной власти. Согласно тексту, беспартийные рабочие предложили поднести Красное знамя оренбургскому губернскому комитету партии. Из этого можно установить, что в газете праздник транслируется как пространство почти органического слияния пролетариата с партией; ее доверие воспринимается не как результат агитации, а как закономерное следствие общего революционного прошлого. Не случайно автор подчеркивает и совпадение государственного юбилея с годовщиной создания оренбургского партийного отделения. В этом смысле праздник выполняет интегративную функцию, объединяя партию и народ.

Важной линией нарратива становится и национальный аспект. Автор заметки подчеркивает роль киргизских революционеров, которые выступили на стороне пролетариата против «аллаш-ордынцев» (25-летие Р. К. П. в Оренбурге, 1925). Это позволяет вписать Оренбург не только в историю классового противостояния, но и в историю ранней советской национальной политики, где союз русского рабочего и революционной части киргиз репрезентируется как доказательство успешного преодоления национальной розни. В сущности, здесь роль праздника проявляется как утверждение желаемой модели будущего межнационального взаимодействия, основанного на общности революционных целей.

Кульминацией описания праздника становится сцена символического обмена дарами и приветствиями между партийной конференцией и беспартийной массой (25-летие Р. К. П. в Оренбурге, 1925). Процессия со знаменами, музыка, переход от одного собрания к другому, появление красноармейцев, дающих клятвы – все это образует ритуальную композицию, в которой пространство города временно превращается в сцену политического театра. Праздник заканчивается шествием кавалерии. Именно в этой ритуальной динамике юбилей приобретает характер не бытового события, а коллективного подтверждения политической веры. Итогом становится образ Оренбурга как идеального «рабочего города». Именно в этой заметке наиболее отчетливо видны возможности печати по транслированию политических ценностей и идей.

Сопоставление рассмотренных сюжетов позволяет сделать вывод о том, что в репрезентации Оренбурга на страницах центральной прессы 1920-х гг. праздники последовательно используются как инструмент

социальной инженерии. Их язык клиширован, насыщен устойчивыми формулами («с небывалым подъемом прошел праздник», «рабочий праздник», «героическое прошлое» и т. д.), что выделяет их как элементы нормативного дискурса, задающего читателю «правильный» способ восприятия провинциальных событий. Во-первых, через праздничные сюжеты подводятся итоги и демонстрируются результаты кампаний по ликвидации неграмотности, вовлечению населения в массовые организации, развитию шефства. Во-вторых, праздники служат средством нормализации поведения, а описанные в центральной прессе практики призваны тиражировать этот образец в другие регионы. В-третьих, праздники выступают важнейшим каналом интеграции центра и периферии. Публикации о событиях в Оренбурге одновременно подтверждают для местных акторов их «видимость» в общесоюзном масштабе и служат для центральной аудиторией доказательством успешной реализации политики на окраинах.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ публикаций центральной прессы 1920-х гг., посвященных государственным и партийно-политическим праздникам в Оренбурге, показывает, что в общесоюзном информационном пространстве формировался нормативный образ города как «правильной» советской провинции. Центральные газеты фиксировали не столько реальную повседневную сторону праздника, сколько его идеологически значимые опорные элементы: героическое революционное прошлое и опыт гражданской войны, дисциплину и организованность трудящихся, символическое включение городского пространства в общегосударственный канон через коммеморацию, а также демонстрацию лояльности как естественного единства пролетариата и партии.

В этой логике праздничные сюжеты работали как инструмент символической политики: через «красный календарь» и единый газетный язык они встраивали периферию в общесоюзное пространство. Первомай и «подарки празднику» показывали норму проведения праздника трудящихся, годовщина Красной армии превращала военную дату в массовый гражданский ритуал мобилизации и шефства, «День освобождения киргизской женщины» представлял Оренбург как витрину национальной модернизации и новой гендерной повестки, а юбилей партии связывал историю города с партийным нарративом и демонстрировал требуемое межклассовое и межнациональное единство.

Вместе с тем следует учитывать, что конструирование данного образа в центральной прессе носило эпизодический характер из-за малого числа упоминаний. Это, однако, не отменяет главного: даже редкие публикации задавали «рамку правильности», в которой Оренбург представлен как пространство, где праздники не столько отражают жизнь, сколько нормируют ее, закрепляя нужные государству модели памяти, поведения и коллективной идентичности.

Перспективным направлением дальнейшей работы является сопоставление подобных репрезентаций с региональной прессой и материалами городской повседневности, чтобы выявить расхождения между нормативным дискурсом центра и региональными праздничными практиками.

Материалы исследования | Research materials

1. Ем. Ярославский. «25-летие Р. К. П. в Оренбурге». Правда. 1923. № 69.
2. Общегражданский праздник // Красная звезда. 1926. № 45.
3. Открытие памятника В. И. Ленину // Смычка. 1925. № 1.
4. Памятник В. И. Ленину в Оренбурге // Правда. 1924. № 203.
5. Первомайский праздник // Правда. 1925. № 99.
6. Праздник освобождения киргизской женщины // Правда. 1923. № 283.
7. 3-я годовщина Октябрьской революции // Известия. 1920. № 55.

Источники | References

1. Азарова П. Е. Городские праздники Западной Сибири 1920-1930-х гг. в аспекте ценностно-знаковой системы // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 1.
2. Азарова П. Е. Советские праздники как механизм социализации городской молодежи Западной Сибири (1921 – первая половина 1941 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник статей. Новосибирск: Изд-во Института истории СО РАН, 2009.
3. Аканов К. Г. Оренбург как столица автономного Казахстана (1920-1925 гг.): причины выбора и попытки поиска альтернатив // Самарский научный вестник. 2017. № 4 (21).
4. Барышева Е. В. Обратная сторона советского праздника 1920-1930-х гг.: 7 ноября глазами современников // Диалог со временем. 2017. Вып. 59.
5. Кустова Э. М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3 (101).
6. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). Казань: Рутен, 2005.

7. Оборский Е. Ю. Становление системы советских массовых праздников в 1920-е гг. (на материалах Ставрополья) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-1-159-166>
8. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1.
9. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009.
10. Сухова О. А. Обозначение Смуты: практики коммеморации в российской провинции в 1918 г. По материалам Государственного архива Пензенской области // Вестник архивиста. 2024. № 3. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-3-703-717>

Информация об авторах | Author information

Бассак Артем Олегович¹

¹ Оренбургский государственный педагогический университет

Artyom Olegovich Bassak¹

¹ Orenburg State Pedagogical University

¹ justsovux@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.12.2025; опубликовано online (published online): 23.12.2025.

Ключевые слова (keywords): советская праздничная культура; образ Оренбурга; центральная пресса; газета «Правда»; газета «Красная звезда»; Soviet festive culture; image of Orenburg; central press; Pravda newspaper; Krasnaya Zvezda newspaper.